

Сейте разумное! / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Сейте разумное! / рассказ СЕЙТЕ РАЗУМНОЕ!

Эта история началась много лет назад, а взошла и заколосилась только теперь, в наше не менее тревожное время.

Тогда Лешке Макарову досталось ехать с тремя друзьями в командировку двое суток поездом из Москвы в Умапалатинск. Как и положено, весь первый вечер они отдали радостям жизни и спать улеглись только в четвертом часу утра. Проснувшись, подсчитали, и оказалось, что на борьбу с горением труб у них не так уж много ресурсов, только на дюжину пива в вагон-ресторане и хватило. Остальное следовало сохранить на жительство в Умапалатинске. А когда пиво кончилось, четверых друзей охватила дорожная скука.

Тут они вспомнили про три ящика с книгами, которыми их снабдил в дорогу друг Макарова, книгоиздатель Шишин. Мол, подарите эти книги главе администрации для умапалатинских библиотек, он растает и все, что вам желаемо, сделает.

Поезд покачивался и стучал колесами, скука усиливалась, самое время было почитать. Бережно вскрыли один ящик и увидели, что он сплошь наполнен одинаковыми книгами. Это были избранные мысли саудовского нефтяного миллионера Шейха Аль-Фараза под общим названием «Хам дулялля», что, как выяснилось из предисловия, по-арабски означает «Хвала Аллаху». Посмеявшись, стали читать.

Первым взял в руки книгу сам Лешка.

— «Женщина — такое же существо, как и человек, и потому, прежде чем обидеть женщину, хорошенько задумайся», — прочитал он вслух одну из важных мыслей Шейха Аль-Фараза и оценил ее по-своему: — Чушь собачья!

Следующим взял книгу Серега Двоеруков. Он прочитал:

— «Нефть — кровь Аравии. Кровь — нефть человека. Это нужно ценить!»

Затем книга перешла в руки Пашки Стокса:

– «Смело шагайте по жизни и никого не бойтесь. Тогда вас ждет успех».

Пашка Стокс передал книгу Володьке Перегагаеву. Тот прочитал:

– «Ислам – зеленое будущее всего человечества. Народы! Пока не поздно, принимайте веру, завещанную Мухаммедом!»

Книга вернулась к Макарову. Тот снова раскрыл наугад и прочел:

– «Иди вперед и только вперед, и если у тебя что-то не получилось, не расстраивайся, иди дальше. И помни, что бы тебе ни говорили, а жизнь дается Аллахом только один раз».

Дело было летом, Лешка открыл окно вагонного купе и яростно швырнул в него книгу Шейха Аль-Фараза. Она отчаянно зашелестела страницами, хлопая ими, как птица, и красиво упорхнула в придорожные кусты.

– Ты чего, Лех? – удивился Перегагаев.

– Сволочь Шишин! – ответил Макаров. – Он за деньги этого нефтяного гада издавал его книг, теперь девать некуда, вот он нам и сунул на те Боже. Хороши же мы будем этого аллах-акбара русским людям дарить!

В ярости Лешка схватил из ящика еще парочку книг и обратил их в птиц, вышвырнув в окно. Мгновенно Двоеруков и Стокс раскурочили картонный ящик как следует и, выхватывая из него книги нефтяного магната, подавали их Перегагаеву и Макарову и сами тоже швыряли в окно. Книги-птицы так и летели, жадно вырываясь из тесноты купе на просторы России.

Когда ящик опустошился, вновь воцарилась скука. Поезд остановился в Зеленославле. Походили по перрону, купили семечек. Поехали дальше. Когда семечки были догрызены, друзья жадно вскрыли второй шишинский ящик. Он оказался наполнен сборниками стихов какого-то Вадима Пургина под названием «Родные зяби».

– Читани хоть пару стишат! – возмутился Двоеруков, когда Макаров собрался сразу окрылять поэзию, прицелившись ею в окно.

– Да и так все ясно!

– Не скажи!

– Ну ладно! Читанем:

*Березки светлые, лучистые,
изнемогают на ветру.
Как радостны их лики чистые!
От счастья слезы я утру!*

Стихи Пургина весело захлопали крыльями страниц, очень красиво устремляясь в родную зябь российских просторов. Поэзию сеяли в окно неторопливо и изощренно, стараясь, чтобы сборники как можно пилотажнее парили в проносящемся мимо поезда пейзаже. Иногда, прежде чем швырнуть книжку, читали какое-либо открытое наугад стихотворение. Там были сплошь березки, ветры, судьба России, раскаты, новые опричники и какая-то леденящая стынь. Под конец даже устали. На третий ящик сил не хватило. Когда поезд остановился в Дошанске, только Двоеруков и выходил прошвырнуться.

Очередь третьего ящика подошла уже на следующий день, да и то, за час до Умапалатинска. Там оказались избранные речи некоего Махалова, одного из высокопоставленных чинов КПРФ. Книга называлась «Вставляйте в колонны!». Когда стали читать, так и отшатнулись: «Согласно мелкобуржуазному мышлению, у человека нет ничего дороже жизни. На самом деле, самое драгоценное, что у нас есть – Владимир Ильич Ленин!», «Поповщина, как ржавая язва, разъедает умы одураченной молодежи», «Граждане! Уходите в подполье! Шейте красные стяги! Пусть будет по пять, десять, двадцать красных знамен на душу населения! Только так победим!».

Избранные речи Махалова с большой неохотой вылетали из вагонного окна. К тому же, черные обложки оказались пачкающимися, и когда ящик оказался пустым, руки у всех четверых книгометателей были черны, словно они только что ощупывали ими ад.

Командировка прошла весьма успешно, в Умапалатинске друзей даже снабдили еще кое-каким довольствием, так что, можно было, что называется – «раззудись, плечо!».

Потом, правда, в конце девяностых, фирма, которую они представляли, рухнула, и друзей разметало. В новом тысячелетии Макаров уже не так процветал, и когда к нему пришло письмо с

сообщением, что в Умапалатинске у него, оказывается, растет сын, Лешка решил, что не полетит самолетом, а вновь, как и десять лет назад, отправится поездом – что может быть уютнее хорошего купе!

Входя в вагон, он сразу обратил внимание на стайку молодых людей вполне славянской наружности, но с белыми кружевными шапочками на головах, какие носят мусульмане. В его купе таковых не оказалось. Он вошел первым, за ним вскоре вошли две женщины и плотный грузный мужчина, причем, женщины заискивающе обихаживали своего спутника.

– Вадим Андреич, вы на нижней полке любите?

– Вадим Андреич, может, вы на этой стороне предпочитаете, мы сразу товарища попросим. Вы можете поменяться местами?

«С какой это стати!» – хотел было буркнуть Макаров, но Вадим Андреич сам вмешался:

– Прошу вас не беспокоиться.

В дороге обе женщины без умолку болтали о поэзии, выявляя сплошные недостатки у Есенина, Рубцова, Куняева, Кузнецова, Кострова и какого-то Артемова.

– Как вы считаете, Вадим Андреич? – спрашивали они своего спутника.

– Что ж, – задумчиво мычал он в ответ, – в этом есть толика истины.

Проходя в туалет, Макаров краем уха слышал, как в одном из купе дружным хором молятся по-мусульмански. Вернувшись к себе, сказал:

– Видали там мусульман? С лица, будто, русские, а молятся Аллах-акбару.

– Ох, и не говорите! Беда! – откликнулась одна из женщин. – Это в Зеленославле, как зараза какая-то, секта мусульман. Хуже ваххабитов. Такие же шибанутые. Страшнее всего, что наши, русские. И название у них кошмарное – аль-фаразиты.

– Лерочка, избегайте нерусских слов, – возмутился Вадим Андреич. – «Кошмарное»! Найдите-ка мне равнословицу.

– Да, да, простите, – заволновалась Лерочка. – А какая равнословица у слова «кошмарное».

– Очень просто, Лерочка. «Кошмар» – страшный сон, так? Можно

сказать – «сноужас». Стало быть, «кошмарный» – «сноужасный».

– Гениально!

– Аль-фаразитизм! Что и говорить, и впрямь – сноужасное явление. Оно развилось буквально в последние годы в Зеленославле и его окрестностях, – признал Вадим Андреевич, обращаясь к Макарову.

Далее последовал рассказ о том, как аль-фаразиты вовлекли в свое движение по исламизации русского населения сотни молодых людей. Главная идея лидеров аль-фаразитизма состоит в том, что наш мир неизбежно исламизируется, и России суждено или погибнуть под натиском мусульман, или спастись тем, что срочно самой стать мусульманским государством, возглавить исламизацию мира и только так снова стать сверхдержавой.

– И это бы ничего, – говорил Вадим Андреевич. – Но они отвергают все, что было в России до появления учения Шейха Аль-Фараза. И Есенина, и Рубцова, и даже Пушкина! Все лучшее! Одно слово – аль-паразиты!

– Дай им волю, они и русский пейзаж станут переделывать. Превратят его в Аравийскую пустыню, – сказала Лерочка. – А поглядите в окно, какая красота! Березки светлые, лучистые, изнемогают на ветру...

– Как радостны их лики чистые, – подхватила вторая спутница Вадима Андреевича. – От счастья слезы я утру!

Эти строки показались Макарову на удивление знакомыми, но он никак не мог вспомнить, где же слышал их. Всю ночь просыпался, ворочался и слушал, как стучат колеса поезда: «лики чистые, лики чистые, лики чистые...»

На другой день, подъезжая к Зеленославлю, он с ужасом разглядывал надписи, которыми обычно украшают бегущие вдоль железных дорог заборы. Это и впрямь было подобно сноужасному кошмару. «Ислам – зеленое будущее всего человечества!», «Аллах акбар! Воистину акбар!», «Al-Faraz = victory!», «Хам дулялля!», «Да здравствует Джумахерия Исламия Русия!» – все это утопало среди многочисленных полумесяцев, звезд, изображений мечетей и откровенно арабской вязи.

Все молча смотрели в окно, покуда Лерочка не процитировала:

– Позови меня в хмарь дымовую! Уведи в леденящую стынь! Я и

там никогда не забуду, как всю ночь благоухает полынь!

И тут Лешка Макаров все вспомнил и осознал.

В Зеленославле большая стая молодых людей в исламских кружевных шапочках сошла с поезда. Ее встречала целая толпа таких же неомусульман.

– Вот ведь хамдуляля! – засмеялся Лешка, но Вадим Андреевич посмотрел на него взглядом, преисполненным страдания:

– Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Он встал и трагически вышел из купе.

– Вы знаете, кто этот человек? – спросила со значением Лерочка.

– Если не ошибаюсь, какой-то поэт, – ответил Макаров.

– Какой-то! Ты слышишь, Томочка? Не какой-то! Это сам Вадим Пургин! Основатель знаменитой Дощанской пургинской школы поэзии!

– Да что вы! И как давно она была основана?

– Ровно десять лет тому назад. Вадим Андреевич как раз едет справлять юбилей. У нас в Дощанске даже мэр города принадлежит к пургинской школе. Сам пишет стихи. Вот послушайте: «Посмотри за пределы России! Всюду черная, мрачная зга! Снова дети наши босые, снова куржится зябкая мга...»

В сей миг Вадим Пургин возвратился в купе, и Лерочка умолкла. Макаров мигом понял, что стихи дощанского мэра не пользуются любовью основателя новой поэтической школы.

Поезд бежал дальше, равнодушный и к аль-фаразитизму, и к пургинству. Неомусульманские надписи за окном постепенно исчезли, уступив место обычным матерным и посвященным рок-музыке. Но чем ближе к Дощанску, тем заборы были чище.

– Наша дощанская молодежь самая лирическая и чистоплотная, – заметила Томочка.

По мере приближения к юбилейному мероприятию обе поэтические дамы заметно возбуждались, наперебой сыпали цитатами из стихов Пургина, так что и сам автор, наконец, не выдержал и попросил:

– Ну полно вам, мои дорогие! Все еще впереди! Охолоните свои колесницы!

В Дощанске Макаров дружески простился со своими спутниками. На их место в купе поселились угрюмого вида муж, жена и

крупнокалиберная дочь. Они много ели и мало говорили. Лешка все больше погружался в тяжелые предчувствия. Ночью спал плохо, с ужасом припоминая фразы из третьей посеянной книги. Предчувствия его не обманули. На другой день, уже за два часа до приезда в Умапалатинск, на бегущих мимо заборах стали появляться ультракоммунистические надписи. «Махалов – да! Зюганов – нет!», «Ленин, партия, комсомол!», «Все в ряды Махаловской компартии!», «Долой опиум для народа!», «Да здравствует красное подполье!»... Там-сям уже мелькали на домах красные полотнища, а однажды даже проплыл огромный портрет Карла Маркса, выложенный цветами. Во дворе какого-то завода хлопотал митинг, рабочие держали красные транспаранты. А когда поезд стал тормозить на конечной станции, Макаров увидел, что весь вокзал Умапалатинска утопает в кумаче, и мрачно произнес: – Приехали!

Александр СЕГЕНЬ. Neкаýalar